

ОПИСАНИЕ ОДНОЙ БОРЬБЫ

И по гальке вперевалку,
Нарядившись, ходят люди
Под огромным этим небом,
Что к холмам совсем далеким
От холмов простерлось дальних.

I

Около двенадцати часов некоторые уже поднялись, поклонились, пожали друг другу руки, сказали, что было очень приятно, и вышли через большой дверной проем в переднюю одеваться. Хозяйка стояла посреди комнаты, подвижно кланяясь, а ее платье ложилось изящными складками.

Я сидел за маленьким столиком — у него были три вытянутые тонкие ножки, — прикладываясь к третьей рюмочке бенедиктина и одновременно оглядывая свой небольшой запас печенья, которое я сам выискал и наложил себе, ибо оно имело тонкий вкус.

Тут ко мне подошел мой новый знакомый и, немного рассеянно улыбнувшись при виде моего занятия, сказал дрожащим голосом:

— Простите, что я подошел к вам. Но до сих пор я сидел один со своей девушкой в соседней комнате. С половины одиннадцатого, совсем не так долго. Простите, что я это говорю вам. Мы же не знаем друг друга. Не правда ли, мы встретились на лестнице и сказали друг другу несколько вежливых слов, а теперь я уже говорю вам о своей девушке, но вы должны мне — прошу вас — простить, счастье рвется из меня наружу, я ничего не мог поделать. А так как у меня нет других знакомых, которым я доверяю...

Так он говорил. А я огорченно посмотрел на него — ибо кусок фруктового торта, который находился у меня во рту, был невкусен — и сказал ему в его красиво раздумывавшееся лицо:

— Я рад, что кажусь вам достойным доверия, но огорчен тем, что вы мне это рассказываете. И вы сами — не будь вы в таком смятении — почувствовали бы, как это неуместно — рассказывать человеку, который сидит в одиночестве и пьет водку, о любимой девушке.

Когда я это сказал, он вдруг сел, откинулся и плетьюми опустил руки. Потом, согнув в локтях, прижал их к себе и довольно громким голосом заговорил как бы с самим собой:

— Мы сидели там совсем одни... в комнате... с Аннерль, и я целовал ее... целовал... ее... в губы... целовал ухо... плечи.

Несколько мужчин, стоявших поблизости и решивших, что идет какой-то оживленный разговор, зевая, подошли к нам. Поэтому я встал и громко сказал:

— Хорошо, если вы хотите, я пойду, хотя глупо идти сейчас на Лаврентьеву гору, ведь погода еще холодная, а поскольку выпало немного снега, дороги скользкие как каток. Но если вы хотите, я пойду с вами.

Сперва он удивленно посмотрел на меня и открыл рот с широкими и красными влажными губами. Но затем, увидев мужчин, которые были уже совсем близко, засмеялся, встал и сказал:

— О, ничего, холод на пользу, наша одежда вся пропитана жаром и дымом, да и я, наверно, немного пьян, хотя пил мало, да, мы прощаемся и уйдем.

Мы подошли к хозяйке, и, когда он целовал ей руку, она сказала:

— Право, я рада, что сегодня у вас такое счастливое лицо, обычно оно серьезное и сучающее.

Доброта этих слов тронула его, и он еще раз поцеловал ей руку; она улыбнулась.

В передней стояла горничная, мы увидели ее сейчас в первый раз. Она подала нам пальто и взяла затем фонарик, чтобы осветить нам на лестнице. Девушка эта была красива. Шея у нее была обнажена и только под подбородком обвязана черной бархатной лентой, а ее просторно одетое тело красиво изгибалось, когда она спускалась перед нами по лестнице, светя фонариком. Ее щеки разругались, ибо она выпила вина, а ее губы были полуоткрыты.

Внизу лестницы она поставила фонарик на ступеньку, пошатываясь шагнула к моему знакомому и обняла и поцеловала его и задержалась в объятье. Лишь когда я вложил ей в руку монету, она сонно оторвалась от него, медленно открыла маленькую дверь подъезда и выпустила нас в ночь. Над пустой, равномерно освещенной улицей стояла большая луна на слегка облачном и от этого еще более широком небе. Лежал снежок. Ноги при ходьбе скользили, поэтому надо было делать маленькие шаги.

Как только мы вышли на воздух, я заметно взбодрился. Я шаловливо задираю ноги, треща суставами, выкрикивал на всю улицу какое-то имя, словно от меня за углом скрылся приятель, подпрыгивая, бросал вверх шляпу и хвастливо подхватывал ее.

А мой знакомый невозмутимо шел рядом. Голова его была опущена. И он ничего не говорил.

Это удивило меня, ибо я ожидал, что радость выведет его из себя, когда вокруг него не станет людей. Я притих. Только я собрался одобрительно хлопнуть его по плечу, как меня охватил стыд, и я неловко отдернул руку. Поскольку она не была мне нужна, я сунул ее в карман пальто.

Итак, мы шли молча. Я следил за звуками наших шагов и не понимал, что мне невозможно идти с ним в ногу. Это немного волновало меня. Луна была ясная, все было видно отчетливо. Там и сям кто-нибудь глядел в окно и рассматривал нас.

Когда мы пришли на улицу Фердинанда, я заметил, что мой знакомый стал напевать какую-то мелодию, совсем тихо, но я услышал. Я нашел это оскорбительным для себя. Почему он не говорил со мной? А если он во мне не нуждался, почему он нарушил мой покой? Я с досадой вспомнил о славных сладостях, которые я из-за него оставил на столике. Я вспомнил также о бенедиктине и немного повеселел, почти, можно сказать, заважничал. Я подбочился и вообразил, что гуляю по собственному почину. Я был в гостях, спас от позора одного неблагодарного молодого человека и теперь гуляю при луне. Весь день на службе, вечером в гостях, ночью на улице, и ничего сверх меры. Беспредельно естественный образ жизни!

Однако мой знакомый еще шел сзади, он даже ускорил шаг, заметив, что отстал от меня, и сделал вид, что это вполне естественно. А я подумал, не лучше ли мне свернуть в боковую улицу, ведь я же не обязан гулять вместе. Я могу пойти домой один, и никто не смеет задерживать меня. У себя в комнате я зажгу настольную лампу в железном корпусе, сяду в свое кресло, что стоит на драном восточном ковре... Когда я дошел до этой мысли, меня обуяла слабость, которая всегда нападает на меня, как только подумаю о том, чтобы снова пойти в свое жилье и снова в одиночестве проводить часы среди раскрашенных стен и на полу, который, если смотреть на него в зеркало с золотой рамой, висящее на задней стене, косо падает вниз. У меня устали ноги, и я уже

готов был, во всяком случае, пойти домой и лечь в постель, как вдруг у меня возникло сомнение, надо ли при уходе прощаться со своим знакомым или нет. Но я был слишком робок, чтобы уйти не попрощавшись, и слишком слаб, чтобы попрощаться громко, поэтому я снова остановился, прислонился к стене дома, освещенной лунной, и подождал.

Мой знакомый подошел бодрым шагом и, видимо, в некоторой степени озабоченный. Он засуетился, заморгал глазами, распростер руки, резко вскинул голову в мою сторону, желая, казалось, всем этим показать, что способен по достоинству оценить шутку, которую я выкинул здесь для его увеселения. Я был беспомощен и тихо сказал:

— Сегодня веселый вечер.

При этом я издал вымученный смешок. Он ответил:

— Да, а вы видели, как и горничная поцеловала меня?

Я не мог говорить, ибо мое горло было полно слез, поэтому я попытался протрубить, как почтовый рожок, чтобы не оставаться немым. Он сперва заткнул уши, затем, любезно благодаря, пожал мне правую руку. Та, наверно, оказалась на ощупь холодной, ибо он сразу отпустил ее и сказал:

— У вас очень холодная рука, губы горничной были теплее, о да.

Я понимающе кивнул головой.

Моля Бога дать мне стойкость, я сказал:

— Да, вы правы, мы пойдем домой, уже поздно, а завтра утром мне идти на службу; представьте себе, можно и там поспать, но это не полагается. Вы правы, мы пойдем домой.

При этом я подал ему руку, словно дело окончательно решено. Но он с улыбкой подхватил мою манеру выражаться:

— Да, вы правы, такую ночь нельзя проспять в постели. Представьте себе, сколько счастливых мыслей душишь одеялом, когда спишь один в своей постели, и сколько несчастных снов согреваешь им.

И, радуясь этому наитию, он с силой схватил меня за пиджак на груди — выше он не доставал — и с горячностью тряхнул меня; затем зажмурил глаза и доверительно сказал:

— Знаете, какой вы? Вы смешной.

При этом он зашагал дальше, а я пошел за ним, не заметив того, ибо меня занимало его суждение.

Сперва меня это обрадовало, ибо как бы показывало, что он предполагает во мне нечто такое, что во мне хоть и отсутствовало, но возвышало меня в его глазах тем, что он это предполагал. Такое отношение делало меня счастливым. Я был рад, что не пошел домой, и мой знакомый стал для меня очень ценным человеком, ведь он придавал мне перед людьми ценность без всяких моих усилий приобрести ее! Я смотрел на моего знакомого ласковыми глазами. Мысленно я защищал его от опасностей, особенно от соперников и ревнивцев. Его жизнь стала мне дороже моей собственной. Я находил его лицо красивым, я был горд его успехом у женского пола и участвовал в поцелуях, которые он в этот вечер получил от двух девушек. О, этот вечер был веселый! Завтра мой знакомый будет говорить с фрейлейн Анной; сперва, как водится, об обыкновенных вещах, а потом он вдруг скажет: «Вчера ночью я был в обществе одного человека, какого ты, милая Анна, наверняка никогда не встречала. Он на вид — как это описать? — как болтающаяся жердь, на которую несколько неловко

насажена желтокожая и черноволосая голова. Его тело увешано множеством небольших, ярких, желтоватых лоскутков, которые вчера целиком прикрывали его, ибо в безветрии этой ночи гладко прилегали к нему. Он робко шел рядом со мной. Ты, моя милая Аннерль, ты, умеющая так хорошо целовать, ты, я знаю, немного посмеялась и немного испугалась бы, а я, чья душа сама не своя от любви к тебе, я радовался его присутствию. Он, может быть, несчастен, и поэтому он молчит, и все же при нем испытываешь непрекращающееся счастливое беспокойство. Ведь вчера я был сломлен собственным счастьем, но я чуть не забыл о тебе. Мне казалось, что с каждым вздохом его впалой груди поднимался твердый свод звездного неба. Горизонт распахнулся, и под пламенеющими облаками открылись те бесконечные дали, которые делают нас счастливыми... О небо, как я люблю тебя, Аннерль, и твой поцелуй мне милее всяческих далей. Не будем больше говорить о нем, а будем любить друг друга». Когда мы, медленно шагая, вышли затем на набережную, я хоть и завидовал своему знакомому из-за поцелуев, но и радовался, что передо мной, каким я ему вижусь, ему, вероятно, должно быть стыдно.

Так думал я. Но мои мысли тогда путались, ибо Влтава и городские кварталы на другом берегу были окутаны темнотой. Горело, играя с глядящими глазами, лишь несколько огней.

Мы остановились у ограды. Я надел перчатки, ибо от воды веяло холодом; затем я без причины вздохнул, как то хочется сделать у реки ночью, и хотел пойти дальше. Но мой знакомый смотрел в воду и не шевелился. Затем он подошел еще ближе к перилам, оперся локтями на железо и опустил лоб в ладони. Это показалось мне глупым. Я замерз и поднял воротник пальто. Мой знакомый распрямился и перевесился через перила

туловищем, которое держалось теперь на его напряженных руках. Я пристыженно поспешил заговорить, чтобы подавить зевоту:

— Правда ведь, удивительно, что именно только ночь способна целиком погрузить нас в воспоминания? Сейчас, например, мне вспоминается вот что. Однажды я сидел на скамейке на берегу реки в неудобной позе. Положив голову на руку, лежавшую на деревянной спинке скамейки, я смотрел на туманные горы другого берега и слышал нежную скрипку, на которой кто-то играл в прибрежной гостинице. По обоим берегам сновали поезда со сверкающим дымом.

Так говорил я, судорожно пытаюсь вообразить за словами какие-то любовные истории с занятыми положениями; не помешало бы и немного грубости, решительности, насилия. Но не успел я произнести первые слова, как мой знакомый равнодушно и только удивившись, что я еще здесь, — так показалось мне, — обернулся ко мне и сказал:

— Знаете, так всегда бывает. Когда я сегодня спустился по лестнице, чтобы еще прогуляться вечером, перед тем как пойти в гости, я удивился тому, как болтались мои красноватые руки в белых манжетах, и тому, что болтались они с необычной резвостью. Тут я стал ждать приключения. Так всегда бывает.

Последнее он сообщил уже на ходу, невзначай, как маленькое наблюдение. Меня же это очень тронуло, и я огорчился, что, может быть, ему неприятна моя долговязая фигура, рядом с которой он вполне мог показаться слишком маленьким. И это обстоятельство, хотя дело было ночью и мы почти никого не встречали, мучило меня так сильно, что я согнул спину настолько, что мои руки на ходу касались колен. Но чтоб мой знакомый не заметил моего умысла, я менял свою осанку

очень постепенно, с большой осторожностью и старался отвлечь от себя его внимание замечаниями о деревьях на острове Стрелков и об отражении в реке фонарей моста. Но он вдруг резко повернулся лицом ко мне и снисходительно сказал:

— Почему вы так ходите? Вы же совсем сгорбились и стали ростом почти с меня.

Поскольку он сказал это любезно, я ответил:

— Это возможно. Но мне эта поза приятна. Я слабоват, знаете ли, и мне бывает слишком трудно держаться прямо. Это не пустяк, я очень длинный...

Он сказал несколько недоверчиво:

— Да это просто прихоть. Раньше же вы, по-моему, шли выпрямившись во весь рост, да и в гостях вы держались сносно. Вы ведь даже танцевали — или нет? Нет? Но шли вы выпрямившись, и это вы, конечно, можете и сейчас.

Я ответил упорно и с отвергающим жестом:

— Да, да, я шел выпрямившись. Но вы недооцениваете меня. Я знаю, что такое хорошие манеры, и поэтому иду сгорбившись.

Но это не показалось ему простым, в смятении от своего счастья он не понял связи моих слов и сказал только:

— Ну как знаете, — и посмотрел на часы Мельничной башни, которые показывали уже почти час ночи.

Я же сказал про себя: «Как бессердечен этот человек! Как характерно и явно его равнодушие к моим смиренным словам! Он счастлив, в этом все дело, и таково свойство счастливых — находить естественным все, что происходит вокруг них. Их счастье устанавливает во всем великолепную связь. И если бы я прыгнул сейчас в воду или если бы стал перед ним корчиться в судорогах на мостовой под этой аркой, то все равно бы я мирно вписался в его счастье. Да, если бы ему втемяшилось —

счастливые настолько опасны, это несомненно, — он убил бы меня как бандит. Это не подлежит сомнению, и, поскольку я труслив, я от ужаса даже не осмелился бы закричать... О боже!»

Я в страхе огляделся. Перед отдаленной кофейней с прямоугольными черными окнами по мостовой скользил полицейский. Его сабля немного мешала ему, он взял ее в руку, и теперь дело пошло значительно лучше. А уж услышав издали, что он слабо вскрикивает, я окончательно убедился, что он меня не спасет, буде мой знакомый пожелает убить меня. Зато теперь я знал, что мне делать, ибо как раз перед страшными событиями мною овладевает большая решительность. Мне следовало убежать. Это было очень легко. Теперь, у поворота налево к Карлову мосту, я мог шмыгнуть направо в Карлову улицу. Она была с закоулками, там было много темных подворотен и пивных, еще открытых сейчас; мне не следовало отчаиваться.

Когда мы вышли из-под арки в конце набережной, я с поднятыми руками побежал в эту улицу; но, как раз добежав до маленькой двери церкви, упал, ибо там была ступенька, которой я не заметил. Упал я с грохотом. Ближайший фонарь был далеко, я лежал в темноте. Из пивной напротив вышла толстуха с закоптелым фонариком — посмотреть, что случилось на улице. Фортепианная игра прекратилась, и какой-то мужчина полностью распахнул полуоткрытую было дверь. Он великолепно харкнул на ступеньку и, щекоча толстуху между грудями, сказал, что происшедшее, во всяком случае, не имеет значения. Затем они повернулись, и дверь снова захлопнулась.

Попробовав встать, я снова упал. «Гололед», — сказал я и почувствовал боль в колене. Но все же меня радовало, что люди из пивной меня не увидели, и потому

мне показалось самым удобным пролежать здесь до рассвета.

Мой знакомый дошел один, наверно, до моста, не заметив моего исчезновения, ибо ко мне он пришел не сразу. Я не видел, чтобы он был удивлен, когда сочувственно склонился ко мне и погладил меня мягкой рукой. Он провел по моим скулам вверх и вниз, а потом положил два толстых пальца на мой низкий лоб.

— Вы ушиблись, да? Гололед, надо быть осторожным... У вас болит голова? Нет? Ах вот как.

Он говорил напевно, словно рассказывал историю, к тому же очень приятную историю об очень отдаленной боли в чем-то колене. Он и руками двигал, но и не думал поднять меня. Я подпер себе голову правой рукой — локоть лежал на булыжнике — и быстро сказал, чтобы не забыть это:

— Не знаю, собственно, зачем я побежал направо. Но я увидел, как под аркадами этой церкви — не знаю, как она называется, о, пожалуйста, простите — бегают кошка, маленькая кошечка, и шерсть у нее была светлая. Поэтому я заметил ее... О нет, не в этом дело, извините, но достаточно трудно целый день владеть собой. Для того мы и спим, чтобы подкрепиться для этого труда, а если мы не спим, то с нами нередко случаются нелепые вещи, но было бы невежливо со стороны наших спутников громко этому удивляться.

Мой знакомый, держа руки в карманах, поглядел на пустой мост, на Конгрегационную церковь, затем на небо, которое было ясно. Поскольку он не слушал меня, он испуганно сказал:

— Ну почему же вы не говорите, дорогой? Вам плохо?.. Ну почему же вы, собственно, не встаете?.. Ведь здесь холодно, вы простудитесь, а потом ведь мы собирались на Лаврентьеву гору.

— Конечно, — сказал я, — простите. — И встал самостоятельно, но с сильной болью. Я шатался и должен был упереться взглядом в статую Карла Четвертого, чтобы узнать, где я нахожусь. Но лунный свет был неловок и привел в движение и Карла Четвертого. Я удивился, и мои ступни стали намного крепче от страха, что Карл Четвертый рухнет, если я не приму успокаивающей позы. Позднее мое усилие оказалось бесполезным, ибо Карл Четвертый все же упал, как раз когда мне подумалось, что меня любит девушка в красивом белом платье.

Я бьюсь напрасно и многое упускаю. Какая это счастливая была мысль насчет девушки!.. И как это мило было со стороны луны, что она освещала и меня, а я из скромности хотел стать под свод башни у моста, поняв, что это просто естественно, чтобы луна освещала все. Поэтому я с радостью распростер руки, чтобы полностью насладиться луной... Тут мне вспомнились стихи:

Я скакал через улицы,
Топая по воздуху,
Как пьяный бегун, —

и мне сделалось легко, когда я, совершая вялыми руками плавательные движения, стал без боли и без труда продвигаться вперед. Моей голове было покойно в прохладном воздухе, а любовь одетой в белое девушки приводила меня в печальный восторг, ибо мне казалось, будто я уплываю от влюбленной, а также от туманных гор ее края... И я вспомнил, что однажды возненавидел одного счастливого знакомого, который и сейчас, может быть, шел рядом со мной, и порадовался, что моя память так хороша, что в ней сохраняются даже такие второстепенные вещи. Ведь у памяти нагрузка большая. Вдруг я стал знать названия всего множества звезд, хотя ни-

когда не заучивал их. Да, это были занятные названия, трудно запоминающиеся, но я знал все и очень точно. Высоко подняв указательный палец, я громко выкрикивал название каждой... Но я недолго называл звезды, ибо мне надо было плыть дальше, если я не хотел погрузиться слишком глубоко. Но чтобы мне потом не сказали, что плыть над мостовой может каждый и об этом не стоит рассказывать, я, взяв более быстрый темп, поднялся над перилами и вплавь кружил возле каждой статуи святого, которую встречал на пути... У пятой, как раз когда я рассчитанными взмахами задержался над мостовой, мой знакомый схватил мою руку. Теперь я снова стоял на мостовой и чувствовал боль в колене. Я уже забыл названия звезд, а относительно милой девушки помнил только, что на ней было белое платье, но никак не мог вспомнить, какие основания были у меня верить в ее любовь. Во мне поднялась большая и вполне основательная злость на свою память и страх, что я потеряю эту девушку. И я стал напряженно и непрерывно повторять «белое платье, белое платье», чтобы хотя бы с помощью одного этого признака сохранить ее для себя. Но это не помогло. Мой знакомый все ближе подступал ко мне со своими речами, и в тот миг, когда я начал понимать его слова, что-то белое изящно проскакало вдоль перил моста, пронеслось через мостовую башню и прыгнуло в темную улицу.

— Я всегда любил, — сказал мой знакомый, указывая на статую святой Людмилы, — руки этого ангела, слева. Их тонкость безгранична, и пальцы, которые напряжены, дрожат. Но с сегодняшнего вечера эти руки мне безразличны, можно сказать, ибо я целовал руки.

Тут он обнял меня, поцеловал мою одежду и прижался головой к моему туловищу.

Я сказал:

— Да, да. Я вам верю. Я не сомневаюсь. — И при этом щипал своими пальцами, когда он отпускал их, его икры. Но он этого не чувствовал. Тогда я сказал себе: «Почему ты идешь с этим человеком? Ты его не любишь и ненависти к нему тоже не питаешь, ибо счастье заключено только в девушке, и даже точно неизвестно, что она носит белое платье. Значит, этот человек тебе безразличен... повтори: безразличен. Но он и неопасен, как выяснилось. Поэтому иди с ним дальше на Лаврентьеву гору, ибо ты уже на пути туда прекрасной ночью, но не мешай ему говорить и развлекайся по-своему, этим — скажи это тихо — ты защитишь себя лучше всего».

II

Увеселения, или Доказательство того, что жить невозможно

1. Езда верхом

С необычной ловкостью я уже вскочил на плечи своему знакомому и, толкая кулаками в спину, заставил его бежать рысцой. А когда он еще ерепенился и порой даже останавливался, я колотил его сапогами по животу, чтобы придать ему резвости. Это удалось, и мы с хорошей скоростью проникали все дальше вглубь большого, но еще недоделанного края, где был вечер.

Проселочная дорога, по которой я ехал, была камениста и заметно шла в гору, но как раз это мне нравилось, и я заставлял ее стать еще каменистей и круче. Стоило моему знакомому споткнуться, как я тянул его за волосы вверх, а стоило ему застонать, бил кулаками по голове. При этом я чувствовал, как полезна для моего здоровья эта вечерняя езда верхом в этом хорошем

настроении, и, чтобы сделать ее еще бешеной, я напускал на нас долгие порывы встречного ветра. Теперь я еще и увеличивал на широких плечах своего знакомого подскоки при верховой езде и, обеими руками вцепившись в его шею, далеко запрокидывал голову и смотрел на разнообразные облака, которые слабей моего неуклюже летели по ветру. Я смеялся и дрожал от отваги. Мое пальто распахнулось и давало мне силу. При этом я крепко сцеплял руки, делая вид, будто не знаю, что тем самым душу своего знакомого.

А в небо, которое мне постепенно закрывали искривленные ветки деревьев, росших по моей воле по краю дороги, я в горячке движенья кричал:

— У меня же есть другие дела, кроме того, чтобы вечно слушать любовную дребедень. Почему он явился ко мне, этот болтливый влюбленный? Они все счастливы и становятся особенно счастливы, когда другой это знает. Они думают, что у них сейчас счастливый вечер, и уже потому радуются будущей жизни.

Тут мой знакомый упал, и, осмотрев его, я увидел, что у него тяжело ранено колено. Поскольку пользы от него больше не было, я оставил его на камнях и только свистком спустил с высоты несколько коршунов, которые послушно и со строгими клювами сели на него, чтобы его охранять.

2. Прогулка

Я невозмутимо пошел дальше. Но, боясь, что пешком по гористой дороге идти будет тяжело, я заставил дорогу сделаться все более пологой и вдали наконец спуститься в равнину.

Камни исчезли по моей воле, ветер затих и потерялся в вечере. Я шел хорошим шагом, и так как я шел

с горы, я поднял голову, подобрался и скрестил руки на затылке. Поскольку я люблю сосновые боры, я шел через сосновые боры, а поскольку мне нравится молча смотреть на звездное небо, звезды всходили для меня на широко распростершемся небе медленно и спокойно, как то вообще им свойственно. Я видел лишь отдельные вытянутые облака, которые гнал ветер, дувший только на их высоте.

Довольно далеко против моей дороги я поставил, вероятно, отделенную от меня рекой гору, вершина которой поросла кустарником и граничила с небом. Мне отчетливо были видны даже мелкие разветвления и движения самых высоких веток. Это зрелище, как оно ни заурядно, обрадовало меня настолько, что, качаясь птичкой на прутьях этих отдаленных взъерошенных кустов, я забыл приказать взойти луне, которая уже лежала за горой, досадуя, вероятно, на такую задержку. Но тут прохладное сияние, предшествующее восходу луны, растеклось по горе, и вдруг луна сама поднялась за одним из беспокойных кустов. Я же в это время глядел в другую сторону, и, когда я теперь посмотрел вперед и вдруг увидел, как она светит уже почти всем своим кругом, я с помутневшими глазами остановился, ибо казалось, что моя наклонная дорога ведет прямо в эту пугающую луну.

Но вскоре я привык к ней и спокойно наблюдал, с каким трудом она всходит, пока наконец — а мы с ней прошли навстречу друг другу уже изрядное расстояние — не почувствовал приятной сонливости, которая напала на меня, как я думал, из-за тягот целого дня, которых я, правда, уже не помнил. Я шел некоторое время с закрытыми глазами, не засыпая только благодаря тому, что громко и равномерно хлопал в ладоши.

Но затем, когда дорога стала выскальзываться у меня из-под ног и всё, устав, как и я, начало исчезать, я ли-

хорадочно поспешил вскарабкаться на склон по правую сторону дороги, чтобы еще вовремя прийти в высокий запутанный сосновый лес, где собирался проспать ночь. Нужно было спешить. Звезды уже темнели, и луна немощно тонула в небе, как в бурной воде. Гора была уже частью ночи, дорога пугающе кончалась там, где я повернулся к склону, а из глубины леса слышался приближающийся грохот падающих стволов. Теперь я мог бы сразу упасть в мох и заснуть, но, боясь муравьев, я, цепляясь за ствол ногами, взобрался на дерево, которое тоже уже шаталось без ветра, лег на ветку, привалил голову к стволу и торопливо уснул, а на дрожащем конце ветки сидела и качалась белочка моей прихоти с отвесным хвостом.

Я спал без сновидений и глубоко. Ни заход луны, ни восход солнца не разбудили меня. И даже когда я уже готов был проснуться, я успокоил себя, сказав: «Ты очень утомился за вчерашний день, поэтому побереги свой сон», и уснул снова.

Но хотя мне ничего не снилось, была все же одна небольшая постоянная помеха моему сну. Всю ночь я слышал, как кто-то говорит рядом со мной. Самих слов я почти не слышал, кроме отдельных, как «скамейка на берегу реки», «туманные горы», «поезда со сверкающим дымом», слышал только их интонацию, и помню еще, что во сне потирал руки от радости, что мне не нужно различать отдельных слов, поскольку я именно сплю.

Перед полночью этот голос был очень веселым, обидным. Я испугался, ибо подумал, что кто-то подпиливает внизу мое дерево, которое уже раньше шаталось... После полуночи голос, посерьезнев, отступил и стал делать паузы между своими фразами, так что показалось, будто он отвечает на вопросы, которых я не задавал. Тут я почувствовал себя уютнее и осмелился

вытянуться... Под утро голос становился все дружелюбнее. Ложе говорящего было, кажется, ничуть не надежнее моего, ибо теперь я заметил, что говорил он с соседних веток. Тут я осмелел и лег спиной к нему. Это, видимо, огорчило его, ибо он перестал говорить и молчал так долго, что утром, когда я уже совсем отвык от этого шума, разбудил меня тихим вздохом.

Я глядел в облачное небо, которое было не только над моей головой, но даже окружало меня. Облака были так тяжелы, что низко плыли над мхом, наталкивались на деревья, рвались о ветки. Иные на какое-то время падали на землю или повисали на деревьях, пока не дул и не гнал их дальше более сильный ветер. Большинство их несло еловые шишки, отломанные сучья, дымовые трубы, мертвую дичь, полотнища флагов, флюгера и другие, большей частью неузнаваемые предметы, которые они, плывя, захватили вдали.

Я сжался на своей ветке, стараясь отталкивать грозившие мне облака или увертываться от них, если они были широкие. Это был, однако, тяжелый труд для меня, пребывавшего еще в полусне и к тому же встревоженного вздохами, которые мне еще часто слышались. Но я с удивлением видел: чем уверенней становился я в своей жизни, тем выше и шире расстилалось небо, пока наконец после моего последнего зевка не открылась вновь местность прошлого вечера, которая лежала теперь под дождевыми облаками.

Эта так быстро возникающая широкость моего кругозора испугала меня. Я задумался, почему я пришел в этот край, дорог которого я не знал. Мне показалось, будто я забрел сюда во сне и, лишь проснувшись, понял весь ужас своего положения. Тут я, к счастью, услышал птицу в лесу, и меня успокоила мысль, что я ведь пришел сюда ради своего удовольствия.

— Твоя жизнь была однообразна, — сказал я вслух, чтобы убедить себя в этом, — тебя действительно нужно было куда-нибудь отвести. Можешь быть доволен, здесь весело. Солнце светит.

Тут засветило солнце, и дождевые облака стали белыми, легкими и маленькими на синем небе. Они блестя и вздымались. Я увидел реку в долине.

— Да, она была однообразна, ты заслуживаешь этого увеселения, — продолжал я словно по принуждению, — но не была ли она и в опасности?

Тут я услышал, как кто-то вздохнул до ужаса близко.

Я хотел быстро слезть, но, поскольку ветка дрожала так же, как моя рука, оцепенело упал с высоты. Я почти не ударился, и мне не было больно, но я почувствовал себя таким слабым и несчастным, что уткнулся лицом в траву, не находя в себе сил смотреть на земные вещи вокруг. Я был убежден, что каждое движение и каждая мысль вынужденны, что поэтому следует остерегаться их. Зато естественнее всего лежать здесь в траве, прижав руки к телу и спрятав лицо. И я уговаривал себя радоваться, что уже нахожусь в этом само собой разумеющемся положении, а то бы ведь мне понадобилось множество ухищрений, много всяких шагов и слов, чтобы в нем оказаться.

Но, недолго пролежав, я услышал, как кто-то плачет. Это происходило поблизости и потому раздражало меня. Раздражало так, что я стал думать, кто бы это мог плакать. Но едва я начал думать, как стал в злобом страхе ворочаться с такой силой, что, вывалявшись в хвое, скатился вниз, в пыль дороги. И хотя своими засоренными пылью глазами я видел все только так, словно это мне чудится, я сразу же побежал по дороге дальше, чтобы наконец уйти от всех призраков.

Я задыхался от бега и перестал владеть собой от смятения. Я видел, как поднимаются мои ноги с широко

выпирающими коленными чашками, но уже не мог остановиться, ибо мои руки двигались взад-вперед, как при очень веселой прогулке, и голова у меня качалась. Тем не менее я холодно и отчаянно старался найти спасение. Тут я вспомнил о реке, которая должна была течь поблизости, и сразу же увидел у своих ног тропинку, которая сворачивала в сторону и действительно после нескольких прыжков через луг привела меня к берегу.

Река была широкая, и ее маленькие шумные волны были освещены. На другом берегу тоже были луга, переходившие потом в кустарник, за которым далеко вдаль виднелись светлые аллеи плодовых деревьев, уходившие к зеленым холмам.

Обрадовавшись этому виду, я лег и, зажав себе уши из опасения услышать плач, подумал, что здесь могу успокоиться. Ведь здесь пустынно и красиво. Не нужно большого мужества, чтобы здесь жить. Здесь придется мучиться, как в любом другом месте, но при этом не придется красиво двигаться. Это не будет нужно. Ибо здесь только горы и большая река и я еще достаточно умен, чтобы считать их необитаемыми. Да, спотыкаясь в одиночестве на поднимающихся в гору луговых тропках, я не буду более покинутым, чем эта гора, разве что буду чувствовать себя покинутым. Но думаю, что и это пройдет.

Так играл я со своей будущей жизнью и упорно пытался забыть. При этом я, щурясь, смотрел на то небо, что обладает необыкновенно счастливой окраской. Таким я уже давно не видел его, это тронуло меня и напомнило мне отдельные дни, когда я тоже думал, что вижу его таким. Я отнял ладони от ушей, развел руки в сторону и упал в травы.

Я услышал, как вдалеке кто-то тихо всхлипывает. Поднялся ветер, и с шорохом взлетели вороха сухих

листьев, которых я прежде не видел. С плодовых деревьев бешено посыпались на землю незрелые плоды. Из-за какой-то горы поднялись безобразные облака. Волны реки скрипели и пятились от ветра.

Я быстро встал. У меня болело сердце, ибо теперь мне казалось невозможным выбраться из моих бед. Я уже хотел повернуть, чтобы покинуть эту местность и вернуться в свою прежнюю жизнь, как вдруг меня осенило: «Как замечательно, что в наше время благородных людей еще переправляют через реки таким нелегким способом. Ничем другим этого не объяснить, как тем, что это старый обычай». Я покачал головой, ибо был удивлен.

3. Толстяк

а) Речь, обращенная к местности

Из кустов на другой берег вышло четверо могучих нагих мужчин, которые несли на плечах деревянные носилки. На этих носилках по-восточному сидел невероятно толстый человек. Хотя его несли через кусты по бездорожью, он не раздвигал колючих веток, а спокойно расталкивал их своим неподвижным телом. Его складчатые массы жира были распластаны так тщательно, что целиком покрывали носилки и еще свисали по бокам, как края желтоватого ковра, чем, однако, ничуть не мешали ему. У него было бесхитрое выражение лица человека, который задумался и не старается скрыть это. Порой он закрывал глаза; когда он открывал их снова, подбородок его кривился.

— Эта местность мешает мне думать, — сказал он тихо, — из-за нее мои рассуждения качаются, как цепные мосты при яростном течении. Она красива и хочет поэтому, чтобы на нее смотрели.

Я закрываю глаза и говорю: ты, зеленая гора у реки, ты, у которой против воды есть скатывающиеся камни, ты красива.

Но она недовольна, она хочет, чтобы я открыл глаза и смотрел на нее.

А если я с закрытыми глазами скажу: гора, я тебя не люблю, ибо ты напоминаешь мне облака, вечерние зори и поднимающееся небо, а это вещи, которые заставляют меня чуть ли не плакать, ибо их не достигнуть тому, кого носят на маленьких носилках. А показывая мне все это, ты, коварная гора, заслоняешь мне даль, которая меня веселит, ибо в прекрасной обозримости показывает достижимое. Поэтому я не люблю тебя, гора у воды, нет, я не люблю тебя.

Но эта речь оставит ее такой же равнодушной, как прежняя, если я не буду говорить с открытыми глазами. Иначе она не будет довольна.

А разве мы не должны сохранять ее расположение к нам, чтобы вообще сохранить ее, питающую такое причудливое пристрастие к каше наших мозгов? Она обрушит на меня свои зубчатые тени, она молча выставит передо мной ужасно голые стены, и мои носильщики споткнутся о камешки на дороге.

Но не только гора так тщеславна, так назойлива и так потом мстительна, таково же и все другое. Поэтому я должен, округлив глаза — о, им больно, — повторять снова и снова:

«Да, гора, ты прекрасна, и меня радуют леса на твоём западном склоне... И тобою тоже, цветок, я доволен, и твой розовый цвет веселит мне душу... Ты, трава на лугах, уже высока и мощна и даришь прохладу... И ты, диковинный кустарник, укальываешь так неожиданно, что наши мысли сразу рассеиваются. А к тебе, река, я питаю такую большую симпатию, что дам пронести себя через твою упругую воду».

Содержание

ОПИСАНИЕ ОДНОЙ БОРЬБЫ. <i>Перевод С. Анта</i>	5
ПРЕВРАЩЕНИЕ. <i>Перевод С. Анта</i>	56
В ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ. <i>Перевод С. Анта</i>	117
В НАШЕЙ СИНАГОГЕ. <i>Перевод С. Анта</i>	152
ЛАБИРИНТ. <i>Перевод Ю. Архипова</i>	157

СОЗЕРЦАНИЕ. *Перевод Ю. Архипова*

Дети на улице	195
Разоблачение шаромыжника	198
Внезапная прогулка	200
Решительности	201
Прогулка в горы	202
Холостяцкое несчастье	202
Коммерсант	203
Рассеянный взгляд в окно	205
По пути домой	205
Пробегающие мимо	206
Пассажир	207
Платья	207
Отказ	208
Памятка для всадника	209
Уличные окна	210
Желание стать индейцем	210
Деревья	211
Быть несчастным	211

СЕЛЬСКИЙ ВРАЧ. *Перевод Ю. Архипова*

Новый адвокат	217
Сельский врач	218
На галерке	225
Старинная грамота	226
Перед законом	228
Шакалы и арабы	230
Посещение шахты	235
Соседняя деревня	238
Императорское послание	239
Заботы главы семейства	240
Одиннадцать сыновей	241
Братоубийство	247
Сновидение	249
Отчет для академии	252

ГОЛОДАРЬ. *Четыре истории. Перевод Ю. Архипова*

Первое несчастье	264
Маленькая женщина	267
Голодарь	269
Певица Жозефина, или Мышиный народец	280

ИССЛЕДОВАНИЯ ОДНОЙ СОБАКИ

<i>Перевод Ю. Архипова</i>	299
----------------------------------	-----

Кафка Ф.

К 30 Превращение : рассказы / Франц Кафка ; пер. с нем. С. Апта, Ю. Архипова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 352 с. — (Мировая классика).

ISBN 978-5-389-09463-5

Франц Кафка — один из крупнейших писателей XX века, самых читаемых и самых загадочных, «непостижимый мастер и повелитель царства немецкого языка» (Г. Гессе). Его произведения поначалу публиковались ничтожными тиражами, которые к тому же расходились с трудом. Ныне они расходятся по свету миллионами экземпляров, но по-прежнему остается справедливым замечание Брехта о том, что в творчестве Кафки «ко всему нужен ключ, как в тайнописи». Он создал неповторимую художественную вселенную, завораживающую собственной уникальностью, вселенную, где герои переживают странные приключения, мучаясь в поисках ответа на свои призрачные вопросы. Предлагаем вниманию читателей собрание лучших рассказов Кафки, каждый из которых является бесспорным шедевром на все времена.

УДК 821.112.2(436)
ББК 84(4Авс)-44

Литературно-художественное издание

ФРАНЦ КАФКА
ПРЕВРАЩЕНИЕ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Александр Балабанов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.07.2018. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 18,48.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-AMC-17487-88-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/